

Цзи Юйцзинь, которого оттолкнули, не рассердился. Он поднял взгляд, с улыбкой глядя на него, и медленно отозвался:

— Хм? В чём дело? Разве ты не говорила, что я тебе нравлюсь?

А? Когда он такое говорил?!

Их взгляды встретились, и Цзи Юйцзинь посмотрел на него свирепо, ясными глазами, выдавая жестокость. Чу Фэнцин слегка вздрогнул, медленно убрал прежние эмоции, опустил глаза и последовал его словам:

— Я стесняюсь.

Он действительно не ожидал, что евнуху так нравится вольничать с женщинами...

Чу Фэнцин прошептал:

— Сейчас ещё день, и мы к тому же снаружи.

Цзи Юйцзинь издал звук «О» и сказал:

— Чего тут стесняться? Слишком тонкокожая. Так значит, мы можем заняться этим в спальне ночью?

Чу Фэнцин: «.....»

Видя, что тот поперхнулся словами, Цзи Юйцзинь дважды хохотнул. Почему он раньше не осознавал, каким приятным может быть поддразнивание других, особенно тех, у кого есть скрытые намерения?

Чу Фэнцин поджал губы и проигнорировал его, глядя наружу и в душе тайком ругаясь: «Пёс Цзи».

Колёса экипажа поскрипывали, наезжая на дорогу, а тепло внутри навевало дремоту. Чу Фэнцин подхватил простуду прошлой ночью, и поначалу она не была серьёзной. Только что он оказался втянут в покушение и уворачивался от экипажа, его одежда промокла от снега, он даже не сменил ни единой вещи и просто терпел. Теперь его простуда явно усилилась.

Он чувствовал головокружение, ломоту и слабость, а его изначально бледные губы теперь приобрели обжигающе красный цвет, что очень хорошо сочеталось с красным платьем.

Чу Фэнцин сам был врачом и прекрасно понимал своё нынешнее состояние. Учитывая его физическое состояние, если он не примет лекарство, эта лёгкая болезнь перерастёт в тяжёлую. Если кашель вызовет у него астму, ему будет трудно пережить эту зиму.

Но... он взглянул на Цзи Юйцзиня.

Поговорим об этом, когда вернёмся.

Дорога до дворца была не очень долгой, но ехать по снегу было трудно, что немного замедляло их продвижение.

Евнух, ожидавший у западных ворот, явно опешил, увидев их одежду. Он тихо посмотрел на Чу Фэнцина и поприветствовал их:

— Глава, госпожа.

Чу Фэнцин стоял прямо, с необычайной осанкой, и слегка кивнул.

Тот евнух снова вздрогнул, в его глазах промелькнул намёк на удивление, и он склонил голову ещё ниже.

Цзи Юйцзинь издал звук «Ц-ц»:

— Глаза свои ещё не растерял? Веди.

— Да, да, да. — Евнух так испугался, что съёжился в комок, и поспешил вперёд. — Прошу следовать за этим слугой.

Они вдвоём последовали за евнухом во дворец. Цзи Юйцзинь явно был знаком с императорским дворцом и знал там каждое место. По пути и дворцовые служанки, и евнухи почтительно кланялись при его виде, и каждый из них был явно напуган.

Чу Фэнцин опустил глаза. На чёрных сапогах Цзи Юйцзиня всё ещё виднелось несколько капель человеческой крови, но ему было совершенно всё равно.

Как только они вошли во дворец, всё стало похоже на совершенно иной мир. В ноздри ударил сладкий запах. Чу Фэнцин не знал, было ли это из-за его астмы, но с детства он был особенно чувствителен к запахам, поэтому держался подальше от вещей с сильными ароматами. К счастью, Цзи Юйцзинь не пользовался такими мелочами, как саше.

— Почему вы двое так опоздали? Заставили Его Величество ждать вас так долго. — Голос и

запах женщины были сладки как мёд.

Чу Фэнцин поднял взгляд и понял, что фигура в центре, облачённая в ярко-жёлтое драконье одеяние, и была императором. Он вырос в Цзяннани, поэтому никогда не видел императора. Волосы и борода императора стали совершенно белыми, и его слегка затуманенные глаза взирали на всех с безошибочным выражением власти. Он был далёк от образа доброго старца.

Женщина, которая говорила, была грациозна и элегантна, воистину потрясающая красавица.

Помимо говорившей женщины, в зале были расставлены места, где сидело множество дам. Некоторые были просты и утончённы, некоторые — великолепны. С первого взгляда было ясно, что все они красавицы. Чу Фэнцин быстро окинул их взглядом и отвёл глаза. Он подумал, что это, должно быть, все наложницы гарема.

Цзи Юйцзинь:

— Отвечаю Гуйфэй¹, по пути мы столкнулись с некоторыми неприятностями, и потребовалось время, чтобы их уладить.

¹Гуйфэй — второй по старшинству ранг императорской наложницы после императрицы.

Казалось, он не проявлял особого почтения перед императором, но, к счастью, император не винил его. Он произнёс громким голосом:

— Ничего страшного. Вполне обычно просыпаться поздно после брачной ночи. Ха-ха-ха.

— Ваше Величество, о чём вы говорите? — Ли Гуйфэй обратилась к императору строгим тоном и вскоре перевела внимание на Чу Фэнцина. — Всем известно, что новая жена евнуха Цзи — первая красавица столицы. Бэньгун² никогда не видела эту сестрицу, и ей очень любопытно. Вот почему Бэньгун попросила Ваше Величество взглянуть, что она за красавица. Позже, подумав, что радость лучше всего разделять, Бэньгун также созвала дворцовых сестёр прийти и посмотреть.

²Бэньгун — местоимение первого лица, означающее «я», используемое императрицей, принцессой с официальным титулом или высокопоставленной наложницей при обращении к лицу или аудитории более низкого ранга или статуса.

Она взглянула на Цзи Юйцзиня и с улыбкой спросила:

— Глава не возражает?

Цзи Юйцзинь поднял глаза и взглянул на императорскую наложницу. Он долго не говорил.

Когда императорская наложница уже готова была потерять улыбку, он медленно произнёс:

— Разумеется, этот слуга возражает.

Войдя во дворец, Цзи Юйцзинь встал перед ним, держа его за своей спиной, нарочно или нечаянно. Он изогнул губы и сказал:

— Жена этого слуги не обезьяна. Разве можно её выставлять на обозрение? Или Няннян³ считает, что этот слуга — тоже обезьяна?

³Няннян — обращение к императрице или императорской наложнице.

Лицо Ли Гуйфэй переменялось, и в зале мгновенно воцарилась тишина.

— Бэньгун имела в виду не это.

Цзи Юйцзинь:

— Тогда что же Гуйфэй имела в виду?

Все смотрели на Ли Гуйфэй. Она больше не могла сдерживать свою гордость. Её лицо покраснело, и она выкрикнула:

— Цзи Юйцзинь, вы дерзки! Как смее вы вести себя столь грубо перед Бэньгун!

На этот раз Цзи Юйцзинь не ответил, а вместо этого поклонился императору.

Император нахмурился, и, когда обе стороны затихли, он заговорил:

— Довольно, прекратите балаган. Цзи Цин⁴, Чжэнь⁵ и впрямь обещал Лиэр это дело сегодня, так что не будь столь агрессивен.

⁴Цин — обращение императора к подданному.

⁵Чжэнь — «я», используемое императором.

Цзи Юйцзинь:

— Да, Ваше Величество.

Чу Фэнцин взглянул на спину Цзи Юйцзиня. Хотя тот всё время называл себя «слугой», в этом зале он вовсе не вёл себя как слуга. Напротив... он выглядел бóльшим хозяином, чем Ли Гуйфэй.

Он открыто отказался дать Ли Гуйфэй выход, но когда дело дошло до человека рядом с ним, император явно встал на сторону Цзи Юйцзиня... Чу Фэнцин поджал губы. Все говорили, что Цзи Юйцзинь всемогущ и обладает особыми полномочиями, дарованными императором, но это уж слишком. Всегда казалось немного странным, но трудно было сказать, что именно в этом странного.

Слова императора согрели атмосферу в зале. Он улыбнулся и сказал:

— Что? Почему ты ещё не отошёл в сторону? Твоя жена настолько драгоценна? Ты даже не дашь Чжэнь взглянуть на неё?

— Этот слуга не смеет. — Цзи Юйцзинь тогда отошёл в сторону.

Чу Фэнцин поднял голову и посмотрел на двух людей в возвышении зала. Они были одеты в красное, и в этом была неопишуемая прелесть. Он поклонился всем в зале.

Мутные глаза старого императора засветились, и он кивнул:

— Прекрасна! Она воистину прекрасна. У Чжэнь три тысячи красавиц в гареме, но Чжэнь не может найти ни одной, что сравнилась бы с ней.

Если императорские наложницы — красавицы, отобранные из миллиона, то Чу Фэнцин — одна на миллион.

Старый император погладил свою седую бороду и сказал:

— Трудно представить, что в мире существует такая красота. Даже художник не смог бы написать и половины этой красоты.

Лицо императорской наложницы сразу помрачнело на несколько оттенков, и она выпрямилась, уставившись на Чу Фэнцина. До прихода Чу Фэнцина она думала: «Насколько красивой она может быть? Возможно, это всего лишь преувеличение внешнего мира». Увидев её, она поняла, что с некоторыми людьми, даже если они ничего не делают, они заставят тебя проиграть вчистую, просто стоя перед тобой.

Лицо Цзи Юйцзиня слегка потемнело, и он подсознательно сделал ещё шаг вперёд, чтобы заслонить Чу Фэнцина.

Чу Фэнцин нахмурился и ответил:

— Ваше Величество слишком добры.

Императорская наложница вдруг снова улыбнулась, и её лицо мгновенно смягчилось. Она посмотрела на отметины на шее и подбородке Чу Фэнцина и улыбнулась:

— Смотрите, похоже, Глава весьма доволен этой женой. Не вините меня за то, что я специально попросила Его Величество даровать вам брак. Нравится ли юной госпоже Чу этот брак?

Какой бы красивой она ни была, она всё равно становится наложницей евнуха.

Чу Фэнцин внезапно поднял взгляд. Это она просила императора даровать брак?

Он взглянул на неё и быстро отвёл взгляд, сказав:

— Разумеется, нравится. Глава и хорош собой, и талантлив, и выйти за него замуж для меня — благословение.

Он не может позволить ему потерять лицо на людях. Люди скажут, что он мелочен, и ему определённо будет плохо, если это случится.

Услышав это, Цзи Юйцзинь взглянул на Чу Фэнцина и подумал про себя: У этого человека совсем нет стыда, она открыто признаётся в любви на публике. Она так бесстыдна.

Ли Гуйфэй не приняла его слова всерьёз. Кто был бы рад выйти замуж за евнуха? Вероятно, это было лишь вежливое замечание. Все в зале думали так же. Только Цзи Юйцзинь воспринял это всерьёз.

За этим последовал поток комплиментов: одни хвалили Цзи Юйцзиня за то, что ему так повезло, другие хвалили Чу Фэнцина за красоту. Император даже даровал ему кучу вещей.

У императора и Цзи Юйцзиня, похоже, были важные дела для обсуждения, поэтому они задержались лишь ненадолго, прежде чем отправиться в кабинет обсуждать другие вопросы.

Уходя, Цзи Юйцзинь взглянул на Чу Фэнцина и сказал:

— Я скоро вернусь.

Чу Фэнцин почувствовал лёгкое недоумение. Почему этот человек снова даёт ему указания? Но

он всё же кивнул.

После ухода Цзи Юйцзиня он понял, насколько неудачным был его выбор. Женщины в комнате глазели на него, словно на диковинку, и лишь немногие проявляли хоть каплю доброты. Хотя сейчас он был одет как женщина, он всё же оставался мужчиной, и ему не подобало здесь оставаться.

Он мог лишь найти предлог, чтобы покинуть зал.

Воздух снаружи был гораздо свежее, чем внутри. Он выдохнул грязный воздух и наконец перестал чувствовать удушье. Однако снаружи было гораздо холоднее, чем внутри, поэтому он плотнее закутался в накидку, прежде чем выйти. Он никогда не был во дворце и совершенно его не знал. Он даже не знал, где ждать Цзи Юйцзиня. В любом случае, он ни за что не вернётся в тот зал.

Он стоял на ветру и вскоре уже не мог этого выносить. Он пошёл по тропинке, и его мысли были полны только что произошедшего. Это Ли Гуйфэй просила императора о браке его сестры. Чего она пыталась добиться? Нарочно или нечаянно? Или за ней кто-то стоял и направлял её?

Теперь всё казалось запутанным клубком — крепко спутанным клубком, в котором он не мог разобраться.

Спустя некоторое время его мозг стал ещё более вялым. Чередование тепла и холода, а также раздражение от сладкого запаха вызвали тяжесть в голове. Он мог бы сказать, даже не проверяя пульс, что его простуда усилилась. Он нашёл защищённый от ветра уголок и прислонился к стене.

— Кто это? Она дворцовая служанка из какого-то дворца?

— Разве дворцовая служанка может так одеваться?

— Пойдём взглянем.

Когда Чу Фэнцин услышал звук, перед ним уже появились две пары чёрных официальных сапог.

Седьмой принц погладил подбородок и пристально посмотрел на него, его глаза поблёскивали:

— Из какого ты дворца? Или ты наложница из какого-то дворца?

Чу Фэнцин смотрел на людей чрезвычайно холодными глазами. Седьмой принц слегка опешил

и улыбнулся:

— Ты смотришь на меня так, знаешь ли ты, кто я?

Наследный принц стоял там, глядя на него сверху вниз. Хотя половина лица Чу Фэнцина была заслонена Седьмым принцем, он всё же мог разглядеть отпечатки пальцев на его подбородке с первого взгляда. Затем он опустил взгляд на ярко-красную юбку и с отвращением отвернулся:

— Шунь Цзы, пойдй проверь, к какому дворцу принадлежит эта особа. Она оскверняет гарем среди бела дня.

— Да, Ваше Высочество.

Чу Фэнцин: «.....»

Он всего лишь хотел немного передохнуть, как его могли обвинить в столь тяжком преступлении?

— Подождите. — Седьмой принц неловко рассмеялся. — Брат, почему бы тебе не пойти первым? У Императорского Отца, кажется, есть к тебе важное дело? Я позабочусь об этом.

Наследный принц нахмурился и саркастически рассмеялся:

— Ты хочешь даже самые увядшие и опавшие ивы. Ты и впрямь непривередлив, Седьмой брат.

К этому моменту Чу Фэнцин, вероятно, понял, кто они. Только принцев могли называть «Ваше Высочество».

Он открыл рот и уже собирался объяснить, кто он, когда раздался слегка мягкий голос:

— Седьмой брат, прекрати безобразничать. Не опаздывай на вызов Императорского Отца.

У Седьмого принца были алые губы и белые зубы, и он походил на девушку. Он с сожалением изогнул губы, услышав слова того человека, и поднялся, послушно сказав:

— Да, Второй императорский брат.

Второй императорский брат... Второй принц? Чжао Июй?

Его лицо открылось после того, как Седьмой принц встал. Чу Фэнцин посмотрел на Чжао Июя,

который тоже смотрел на него. Увидев его, взгляд Чжао Июя слегка углубился, но вскоре восстановился. Он усмехнулся и очень доброжелательно кивнул Чу Фэнцину.

Чу Фэнцин, однако, совсем не мог улыбаться. Его сестра на самом деле была помолвлена со Вторым принцем, Чжао Июем. Если не случится ничего неожиданного, они должны были пожениться в этом году.

Но после того как семья Чу столкнулась с бедой, этот брак существовал лишь на бумаге. Позже Чу Иньинь выдали замуж за Цзи Юйцзиня, и их помолвка была расторгнута.

Увидев его столь внезапно, гнев был неизбежен. Заметив того, кто предал его сестру, он не мог не захотеть подойти и побить его.

Седьмой принц Чжао Линь прищурился и сказал:

— Красавица, почему ты так пристально смотришь на моего Второго брата? Ты его знаешь?

Чу Фэнцин с холодным лицом сказал:

— Не знаю.

Наследный принц терял терпение:

— Чего вы всё ещё тянете время? Разве не мерзко стоять здесь и обдуваться холодным ветром из-за увядшего цветка? Пойдёмте.

Чжао Линь прикусил губу, чувствуя некоторое сожаление. Редко ему попадалась красавица, чья внешность была столь ему по вкусу. Он бы так сильно пожалел, если бы упустил её.

Он подумал мгновение, затем приказал своему евнуху:

— Разузнай, кто она. Если она не наложница моего отца, отправь её в мой дворец.

С этими словами он протянул руку к Чу Фэнцину. Чу Фэнцин нахмурился и положил пальцы на серебряную иглу под манжетой. Стоит ему протянуть руку ещё чуть ближе...

Как только Чжао Линь закончил говорить, сбоку раздался голос:

— И куда же Ваше Высочество Седьмой принц собирается отправить жену этого слуги?

<http://bllate.org/book/17231/1613959>